

1 (10) 03.06
(10) 03.06
(10) 03.06

АНТОНИМЫ

БЕТХОВЕНСКИЕ АКАДЕМИИ Михаила Плетнева в "Оркестрионе" — событие в музыкальном мире значимое. Впечатление от услышанного со временем отнюдь не стирается, скорее наоборот — отстает, густеет, заставляя не только вспоминать о том первоначальном состоянии восторга и изумления перед разными, далекими от устоявшегося канона ликами свободного духом мятежного композитора, но и восхищаться тайной сотворчества с ним одного из интереснейших музыкантов современности. Когда в течение трех вечеров подряд Плетнев предложил слушателям цельное по замыслу исполнение всех пяти фортепианных концертов Бетховена, случилось обыкновенное чудо. Каждый пассаж солиста, каждая пауза, как бы много ни значили они сами по себе, вместе с игрой Российского национального оркестра, чье мастерство с тех пор, как Плетнев, став главным дирижером, начал регулярно работать с ним, достигло новых высот, подчинены были решению сверхзадачи. В этом единстве замысла и исполнения — сила уникальной в своем роде ситуации.

Видение играемого сочинения дирижером и солистом не может не различаться, и чем более каждый из них искусен и искусен, тем сильнее различие. Близкое к идеалу единство возникает лишь тогда, когда задача ставит и реализует одно и то же лицо. Русская, далекая от немецких канонов версия симфонического цикла Бетховена, предложенная Плетневым, как ни странно, не

только не вызвала отторжения у соотечественников композитора, но чрезвычайно заинтересовала их. Одна из самых авторитетных в мире фирм звукозаписи Deutsche Grammophon выразила намерение записать весь цикл симфоний и фортепианных концертов Бетховена в интерпретации и исполнении Михаила Плетнева. Решив обыграть его перед слушателями "Оркестриона", Плетнев столкнулся с проблемой выбора дирижера для концертов, который бы придерживался его концепции. Для этой цели был приглашен член дирижерской коллегии РНО, австрийский дирижер Кристиан Ганш, по совместительству продюсер Deutsche Grammophon. Однако, отличный от Плетнева по темпераменту и мировосприятию, он не смог проявить той гибкости и жара в управлении оркестром, какую от него ждали, что шло не на пользу цельности версии. Только однажды, когда на второй день после исполнения Второго концерта Ганш почувствовал себя плохо, и за пультом стал валторнист РНО Оскар Бисембин, работающий с оркестром во время репетиций, мы в Третьем концерте услышали по сути неискаженный замысел Плетнева. И это было так хорошо, что слушатели, стоя, долго аплодировали, не желая отпускать музыкантов.

По сочувствию, сопереживанию и мыслию эти вечера не назовешь легкими ни для Плетнева и музыкантов оркестра, ни для слушателей. Зато и радости от наслаждения как бы вновь открытой музыкой не описать. В день первый, пожалуй, самый органичный по настроению, прозвучали Первый и Четвертый концерты. Первый, очень мелодичный, но холодноватый, насмешливый и насмехающийся, филигранно сыгранный Плетневым в тесной связке со

столь же безупречно и чутко работающим оркестром, явил нам молодого гения, интеллектуала и шутника, еще не внявшего вызову судьбы. Четвертый — совсем иной. Первые напряженные аккорды рояля. Мыслитель, умница понимает, что его ждет, но не позволяет себе жалеть себя. Глубокая скорбь, но и забавная карусель. Безвременье, но и веселящаяся горечь оглушают до стеснения в груди. И долго потом ты так и не можешь вздохнуть полной грудью.

Второй концерт, открывший следующий вечер, оказался несколько скромным из-за неважного самочувствия Кристиана Ганша. Полной выразительности концерт достигал лишь тогда, когда Плетнев исполнял соло. Вышедший после перерыва Оскар Бисембин после несколько нервного начала сумел переломить ситуацию, игра оркестра под его управлением стала отражать концепцию художественного руководителя, так что, успокоившись, тот заиграл в полную силу. Любимый Бетховеном Третий завершился овацией всего зала. В последний день Плетнев вновь показал, что для него в игре на рояле нет ничего невозможного. Так светло и поэтично, так тепло и нежно сыграл он медленную часть самого крупного Пятого концерта, что она стала его средоточием, его эмоциональным и духовным стержнем.

Бетховенские концерты Михаила Плетнева, исполняемые в камерном зале, создающем атмосферу близости к играющим музыкантам, ощущение причастности к творимой на твоих глазах музыке, несомненно, относятся к тем явлениям искусства, которые надолго, если не навсегда, остаются в сокровенной памяти. Человек суется, спешит чего-то достичь, что-то не пропус-

тит, что-то прочувствовать. И, глядя, словно песок между пальцев, утекает в этой спешке и спешке жизнь, не оставляя после себя ничего, даже памяти о прошедшем. И лишь подобные этим вечерам "наслаждения меж горестей, забот и треволнения" оставляют о себе зарубки, питая дух, становясь иногда чуть ли не единственным приобретением. "И все мгновенней и мгновенней, и сокровенней жизнь моя". Спасибо Плетневу, что своим искусством, своей просветительской деятельностью он помогает ощутить это, не поддаваясь погоне за многочисленными призраками успеха. Дай Бог, чтобы его желание "делать концерты классической музыки на открытом воздухе, с качественной аппаратурой", о чем он недавно заметил в беседе с корреспондентом "Газеты", свершилось. Ведь "в Москве несложно найти хорошую лужайку".

И в качестве P.S., еще одно, теперь уже мое, пожелание. Его под силу выполнить разве что Михаилу Васильевичу Плетневу вместе с Российским симфоническим оркестром. Сыграть в одном концерте Большой симфонический триптих Моцарта, включающий три его последние великие симфонии: Ми-бемоль мажор, Соль-минор и До-мажор, которые были сочинены за два! летних месяца 1788 года, соединены духовным единством и являются симфоническим завещанием гения, его высоким прорывом в будущее. В Год Моцарта это вызвало бы особую благодарность слушателей не только здесь, но и выше, тем более, что сам композитор так никогда и не сумел насладиться публичным исполнением этих своих сочинений.

Елена АНТОНОВА

Мухомил
Плетнев